

В объединенный диссертационный совет
99.2.090.02, созданный на базе
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет» Министерства науки
и высшего образования РФ и
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
университет» Министерства науки
и высшего образования РФ
432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации **Колесник Вероники Вячеславовны**
на тему «Концепция договорных отношений в примирительных,
ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства»
(г. Пермь, 2024. 575 с.), представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые
науки

Актуальность темы диссертационного исследования определяется, в первую очередь её междисциплинарным потенциалом. Договорные отношения традиционно считаются сферой частно-правового, диспозитивного регулирования. Между тем, случаи согласования воли двух и более субъектов, как минимум, один из которых не наделен властными полномочиями, во-первых, всегда были не столь уж редки в уголовно-процессуальных правоотношениях (все случаи примирения сторон под контролем лица, в производстве которого находится уголовное дело, возможность упрощения производства по делу по ходатайствам одних участников процесса и при отсутствии возражений у других и т.п.). При этом в литературе, в целом, не было принято распространять правила о договорных отношениях из цивилистических отраслей права на уголовный процесс. Диссертант взялась за эту непростую задачу и решила её на уровне, достойном докторской диссертации, создав новое направление уголовно-процессуальных теоретических исследований и предложив столь же новаторские идеи законотворческого характера. Об актуальности темы

настоящего диссертационного исследования и о своевременности его представления к защите дополнительно свидетельствует появление менее года назад – в июле 2023 года – законодательной новеллы об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к специальной военной операции, широко обсуждаемой сейчас в специальной литературе и подробно проанализированной диссертантом в контексте материально-процессуальной природы договорных правоотношений.

В информационной базе исследования помимо научной литературы по проблемам нескольких отраслей российского права и законодательства, к ним относящегося, причем не только процессуального, но и материального, солидное место занимают результаты репрезентативных эмпирических и социологических исследований. В работе хорошо представлена и проанализирована опубликованная судебная практика, что позволило автору по правилам «закона больших чисел» сформулировать и обосновать промежуточные выводы, не казавшиеся очевидными, – например, об «обычности упрощенного порядка» производства по уголовным делам. Весьма уместным оказалось использование диссертантом в русле своих рассуждений официальных высказываний высших должностных лиц правоохранительных органов, в которых, как правило, получают адекватное отражение основные направления уголовной и уголовно-процессуальной политики государства и все изменения в них.

Цель исследования, обобщенно обозначенную автором как разработка концепции договорных отношений в уголовном судопроизводстве, можно считать в полной мере достигнутой. В работе поставлена и решена достойная уровня докторской диссертации задача – обоснование существования особой подотрасли уголовно-процессуального права – уголовно-процессуальное договорное право. Не сомневаясь в том, что у подобного подхода найдётся немало противников, диссертант сочла возможным настоять на необходимости поддержания и развития идеи партнерских отношений между государством и обществом и в таком

правовом варианте. Приверженность автора этой принципиальной идее вызывает априорную симпатию, особенно на фоне всё более широкого распространения идей «этатизма» уголовного процесса, основанного исключительно на императивном методе правового регулирования.

Научная новизна диссертации очевидна и состоит она, прежде всего, в нестандартной постановке и столь же нестандартных решениях главных исследовательских задач: автор создаёт особое, и, на наш взгляд, весьма перспективное направление в отечественной уголовно-процессуальной науке, обосновывает существование подотрасли российского «договорного уголовно-процессуального права», определяет пути развития того и другого. Главная концептуальная идея диссертации объективно связана с более масштабной идеей конвергенции частного и публичного права и развивает её применительно к конкретным нормам и институтам, реализуемым в ускоренных, согласительных и примирительных процедурах в производстве по уголовным делам. Подобного рода и масштаба междисциплинарных исследований в современной российской уголовно-процессуальной науке до настоящего времени не было.

Теоретическое наполнение диссертационного исследования и достоверность полученных результатов.

Одобрения заслуживает системность освещения исследуемых в диссертации проблем с привлечением к авторской аргументации и российского исторического опыта использования договорных отношений в производстве по уголовным делам, и зарубежных вариантов такого использования. В работе не без оснований утверждается, что разного рода «договорные отношения» присутствовали в российском уголовном процессе всегда, только, «по большей части неформально» (с.4). В самом деле, когда правоохранительные органы сталкивались с трудностями в раскрытии преступлений, совершённых наиболее влиятельными участниками организованных преступных групп, они нередко вступали в неформальные договоренности с отдельными участниками этих же групп, либо с

представителями враждебных криминальных кланов для решения возложенных на правоохранительные органы оперативно-розыскных, а вслед за ними и некоторых уголовно-процессуальных задач. Эти отношения ранее, то есть преимущественно в советские годы, не подвергались никакому законодательному регулированию, что создавало почву для многих злоупотреблений со стороны всех их участников. Вывод этих отношений на уровень уголовно-процессуального регулирования, с одной стороны, поставил их под правовой контроль, а с другой стороны, потребовал адекватных законодательных решений и соответствующих изменений в практической деятельности и её документальном оформлении. С отсылкой к советскому правоприменительному и научно-исследовательскому опыту в диссертации верно подчеркнута принципиальная разница между «упрощёнными производствами» и «процессуальным упрощенчеством», которая как раз и обеспечивается предусмотренным законом договорным характером первого, тогда как второе – это неизбежный путь к произволу.

Нельзя не согласиться с диссертантом в признании развития и распространения разного рода упрощенных и ускоренных (суммарных) и согласительных процедур, предполагающих договорный элемент в том или ином варианте, общемировой позитивной тенденцией. Столь же логичным видится указание на следственную идеологию, укоренившуюся в отечественном профессиональном правосознании, как на препятствие для развития дифференциации уголовно-процессуальной формы на основе договорных отношений между субъектами-носителями объективно несовпадающих процессуальных интересов в уголовном деле. Активное стремление какой-то части исследователей к сохранению национальной самобытности российского уголовного процесса в последние годы приобрело какие-то гипертрофированные, а потому иррациональные формы, основанные на отчуждении не только от иностранного и международного юридического опыта, но и от собственной российской

правовой действительности, а потому – потенциально вредные для развития отечественной правовой системы. Диссертант настойчиво подчёркивает и обстоятельно аргументирует ту мысль, что договорные отношения государства в лице его властвующих субъектов уголовного процесса с лицами, подвергающимися уголовному преследованию, – это показатель силы государства и его способности к эффективной защите публичного интереса.

Наибольший научный и практический интерес представляют, на наш взгляд следующие положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации В.В.Колесник:

Обстоятельный анализ уголовно-процессуальных договоренностей с позиций гражданско-правовых представлений о сделке позволяет выявить, с одной стороны, допустимость и полезность межотраслевых аналогий подобного рода, а, с другой стороны, неустранимые различия в правовой природе гражданско-правовых договоров и уголовно-процессуальных договорных отношений. К числу различий относятся: априорное неравенство участников договоров с принципиальной невозможностью его компенсировать правовыми средствами, заведомая ограниченность обеих сторон в выборе предмета и условий договоренностей. Автор верно подчёркивает такую важную особенность договорных отношений в уголовном процессе: представитель государства может в любой момент выйти из соглашения и разрешить дело в соответствии с законом (с.330).

Поддержки заслуживает авторская идея о том, что основанная на конвергенции частно-правового и публично-правового начал, концепция договорных уголовно-процессуальных отношений способствует позитивному развитию двух ключевых уголовно-процессуальных институтов – обвинения как движущей силы уголовного процесса (условного аналога иска в цивилистических процессуальных отраслях) и доказывания как познавательной «сердцевины» всей уголовно-процессуальной (равно, как и любой другой судебной-процессуальной)

деятельности. Проблемы доказывания по уголовным делам, как в целом, так и в отдельных его составляющих всегда были эпицентром большинства научных дискуссий, что заставило автора высказать целый ряд небезынттересных, а потому и небесспорных идей, касающихся целей и средств доказывания в уголовном процессе, соотношения договорных начал с основными правилами доказывания и принципами уголовного судопроизводства.

Договорное уголовно-процессуальное правоотношение верно охарактеризовано диссертантом как «идеально совмещенное материально-процессуальное правоотношение» (с.21, 430 и др.), в котором присутствуют одинаково значимые для этого особого типа правоотношений элементы, относящиеся к обеим названным отраслям права: материально-правовой аспект обвинения, то есть уголовно-правовая квалификация деяния, вменяемого субъекту уголовно-процессуального договора, совокупность собранных по делу доказательств, совокупность процессуальных условий заключения договора, и совокупность процедурных правил его заключения и оформления. Каждый из названных элементов подробно проанализирован в работе и представлен в виде имеющихся, либо предлагаемых правовых норм. Использованные диссертантом оригинальные формулировки могут вызывать споры, о чем далее будет сказано и в настоящем отзыве, однако сама идея межотраслевого материально-процессуального анализа договорных уголовно-процессуальных отношений представляет бесспорный теоретический и практический интерес.

Рассмотрение в работе объемного комплекса уголовно-процессуальных норм и институтов в совокупности с практикой их применения не ограничивается определением идеологических и политических ориентиров в их развитии. Автор детально и последовательно выводит каждую из формулируемых ею идей на уровень конкретных законотворческих предложений и практических правоприменительных действий. Степень радикальности рекомендаций диссертанта различна.

Введение до сих пор неведомого российскому уголовному процессу «приказного порядка» разрешения уголовно-правового конфликта (с.34, 182, 192, 196), да ещё и с привлечением к нему «в качестве публичных обвинителей представителей органов полицейского дознания» (с.433) выглядит сегодня довольно экзотично. Советская «протокольная форма», в которой диссертант видит какой-то аналог «приказному порядку», предполагала возбуждение уголовного дела судом, к чему сегодня едва ли возможен возврат. То есть аналогия эта весьма условна. Предлагаемое к закреплению в законе правило о возможности поддержания государственного обвинения следователями и дознавателями, как известно, когда-то попало в первоначальную редакцию УПК РФ 2001 года, но было отвергнуто прокурорской практикой ещё до введения этого УПК в действие, а впоследствии и вовсе удалено из него. В работе есть и куда более спокойные предложения по совершенствованию отдельных процедурных деталей имеющихся порядков производства по уголовным делам, предполагающих согласование воли их участников с разнонаправленными процессуальными интересами (например, «запрет поворота к худшему» при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве – с.66, 433 и др.). Однако во всех случаях, независимо от степени радикальности конкретного предложения, диссертант одинаково скрупулёзна в формулировании и обосновании своих сориентированных на практику рекомендаций. Именно поэтому к положениям и выводам, содержащимся в рецензируемой работе, даже не соглашаясь с ними, невозможно не прислушаться: автор всегда или, как минимум, в подавляющем большинстве случаев, проговаривает все подробности и последствия своих утверждений.

Диссертация и автореферат оформлены в соответствии с предъявляемыми требованиями, автореферат адекватно отражает содержание диссертационного исследования и основные научные выводы.

Отдельные положения работы дают основания для **критических замечаний**.

1. Положение №1, выносимое на защиту (с.17-18), выглядит излишне громоздким, занимая целую страницу, и содержит несколько авторских мыслей, каждая из которых могла бы составить самостоятельное «положение». Таковы, например, выявленные автором особенности элементов договорного уголовно-процессуального правоотношения и юридических фактов, его порождающих. То же касается и положения № 4, не уместившегося на одну страницу 20, которое будучи верным и интересным по сути, в редакционном отношении представляет собой изложение основного содержания работы, что здесь явно излишне. Положения, выносимые на защиту, – это предельно концентрированная эксклюзивная авторская мысль, действительно нуждающаяся в публичной защите, её небезопасно загромождать многословными подробностями.

2. Поддерживая в целом междисциплинарный материально-процессуальный подход диссертанта к анализу договорных уголовно-процессуальных правоотношений, подчеркнем необходимость особенно аккуратного использования в этом контексте устоявшихся уголовно-правовых и уголовно-процессуальных понятий. Приведём точную цитату: «Объектом материально-правового отношения мыслится преступление в совокупности с обвинением, а также основывающие доказательства, получаемые в ходе уголовного процесса» (с.20). О редакционном качестве этого положения далее будет сказано отдельно. Здесь же обратим внимание на следующее: если сложное слово «материально-правовое» – это не опечатка (то есть автор имела в виду не «материально-процессуальное»), то утверждение, будто бы предъявленное обвинение, а уж тем более собранные по уголовному делу доказательства образуют объект «материально-правового», то есть уголовного правоотношения, выглядит явным преувеличением. Более того, утверждение, что будто бы преступление является объектом уголовного правоотношения отнюдь не единственное и даже не самое распространённое в уголовно-правовой литературе (что, к слову, попутно отмечено на с.122 диссертации), но

диссертант почему-то без всякого специального обоснования берет за основу собственных размышлений именно его, хотя оно, как полагаем, наиболее уязвимо для критики. Вопрос об объекте уголовного правоотношения один из самых дискуссионных в науке уголовного права, и гораздо чаще в этом качестве рассматривается объект уголовно-правовой охраны, он же – объект преступления как один из четырёх элементов его состава. Если же в тексте положения, выносимого на защиту, процитированное сложное слово – это всё-таки не исправленная опечатка, и диссертант имел в виду «материально-процессуальное» правоотношение, что было бы вполне логичным в контексте всего остального изложения, то и здесь тоже требовалась особая аккуратность в использовании терминов. Уголовное правоотношение в совокупности всех его элементов (то есть, строго говоря, не совсем само преступление, как утверждается на с.122) рассматривается в уголовно-процессуальной литературе как объект всей совокупности уголовно-процессуальных правоотношений в силу присущего последним свойства системности и невозможности их изолированного друг от друга существования. Однако в этой системе можно и необходимо разделять конкретные правоотношения (элементы системы), обладающие своими и объектом, и субъектным составом, и содержанием. Любое отдельное следственное или иное процессуальное действие может быть рассмотрено в этом качестве. Объектом такого, отдельного уголовно-процессуального правоотношения (допроса, очной ставки, заявления ходатайства и т.п.) являются ожидаемые, то есть предусмотренные или допускаемые нормами уголовно-процессуального права, правомерные действия его субъектов, а вовсе не обвинение и не доказательства и уж тем более – не преступление. Сложность и межотраслевой характер анализируемого правоотношения неизбежно порождает и сложность его объекта, и оставлять выяснение этого на усмотрение читающего едва ли правильно. Что именно автор имела в виду в процитированном положении, необходимо пояснить на публичной защите.

3. Отдельные **редакционные погрешности** в научном тексте столь высокого, в целом, литературного качества вызывают некоторую досаду.

1) Автору, доказательно развивающему либеральную идею партнёрства государства и общества, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, смело критикующему преобладание следственной идеологии в отечественном профессиональном правосознании, не стоило бы называть саму эту сферу **«деятельностью судебно-следственных органов»** (с.16). В такой формулировке содержится подспудный намёк на единую направленность всей уголовно-процессуальной деятельности, и следственной, и судебной. Идея «единой упряжки» для всех государственных органов, работающих по уголовным делам, в науке всегда выдвигалась и до сих пор отстаивается некоторыми российскими процессуалистами, но диссертант явно не из их числа, что и вызывает особую симпатию автора настоящего отзыва к её работе.

2) В очень верной по сути авторской характеристике «условно-диспозитивного типа правоотношений», в которых допускается «частичный отказ от полномочия на обязательное применение уголовного закона к **«виновнику преступления»**» (с.18, выделено мною – А.Т.), диссертант зачем-то употребляет выделенный в цитате крайне неуклюже звучащий разговорный элемент, не используемый ни в материальном уголовном законе, ни в нормах уголовно-процессуального права и допускающий, к тому же, опровержение презумпции невиновности до обвинительного приговора суда. На с.122 этот же странный речевой оборот используется со ссылкой на работу другого автора (В.В.Марчука), что не делает это словосочетание более привлекательным в научном тексте.

3) Диссертант многократно использует термин **«правовая определенность»** в разных контекстах (с.18, 65 и др.), не учитывая того, что в процессуальном праве это словосочетание традиционно употребляется в конкретном значении – в отношении состоявшихся судебных решений (*res judicata*). Если автор имела в виду что-то другое, то это требовало

специальной оговорки в тексте работы, которую теперь было бы желательно услышать на публичной защите диссертации.

4) В положении №6, выносимом на защиту, имеется странное словосочетание «*основывающие доказательства*» (с.20 диссертации, с.15 автореферата), которое далее, в «Заключении» к диссертации в той же самой фразе выглядит более приемлемо – «*обосновывающие доказательства*» (с.430), что позволяет считать первый из приведенных вариантов употребления неисправленной опечаткой. Опечатки в формулировках ключевых научных идей (а положения, выносимые на защиту именно таковы) способны, к сожалению, как отмечено выше, ввести читающего в заблуждение относительно содержания авторской мысли.

5) Дословный текстуальный дубляж «положений, выносимых на защиту» (с.17-36) в выводах в «Заключении» к диссертации (с.421-440) выглядит как банальное искусственное увеличение объёма работы, что докторскую диссертацию само по себе не украшает, тем более, что в таком увеличении не было никакой необходимости.

Высказанные критические суждения касаются частных вопросов, не затрагивающих основного содержания диссертации, а потому никоим образом не влияют на **главные выводы** о рецензируемом научном труде:

1. Представленная к защите диссертация Вероники Вячеславовны Колесник «Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства», соответствует критериям, установленным п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в действующей редакции) (далее по тексту – «Положение»).

2. Диссертация В.В.Колесник является самостоятельной, оригинальной, законченной, творческой научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное политическое и социально-

экономическое значение. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку, в развитие теории и практики уголовного судопроизводства (п.п. 9 и 10 Положения).

3. В диссертации В.В. Колесник отсутствуют некорректные заимствования (п. 14 Положения).

4. Результаты диссертационной работы В.В. Колесник соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» (юридические науки): п.1. Уголовно-правовые науки (уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, судебная экспертология, оперативно-розыскная деятельность): теория и методология, предмет, система, принципы, функции науки, история институтов, взаимодействие с другими науками; п.5. Теория уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальное законодательство, закономерности и тенденции развития и совершенствования уголовного судопроизводства, содержание и формы реализации, уголовно-процессуальные институты и функции, стадии уголовного процесса, уголовно-процессуальные производства, его участники, уголовное преследование, обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, доказательственное право, процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль.

5. Автореферат и 72 опубликованных научных труда В.В. Колесник в полной мере отражают основные положения диссертационного исследования. Среди них 34 статьи опубликованы в изданиях, включенных в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» (п. 11, 13 Положения), в том числе – 4 монографии, 8 статей – в изданиях категории К-1 и 17 статей – в изданиях категории К-1.

6. Автор диссертации – Колесник Валерия Вячеславовна – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» доктор юридических наук, профессор

Александр Алексеевич Тарасов

6 мая 2024 г.

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук (по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность, 2002 г.)

Ученое звание – профессор (ученое звание присвоено по кафедре уголовного процесса и криминалистики, 2005 г.)

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»

Занимаемая должность: заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права

Адрес места работы: 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

Тел.: 8 (347) 272-63-70, 89279610465

E-mail: aatar@mail.ru

Сделано в г. Уфа
 Подпись: Тарасова И. И.
 Дата: «06» 05 2024 г.
 Должность: Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права
 Подпись: Ишмухаметова Т. Р.